

Кейп-Код

повесть

1.

Куда повезти девушку, если денег нет? — конечно, на океан.

Подбирали камушки, швыряли их в воду. У Алеши они отскакивали, прыгали по воде, а Шурочка, как ни старалась, не могла повторить его фокус, у нее камушки тонули сразу. Она досадовала — разумеется, не всерьез.

Обоим по двадцать четыре, оба впервые в Америке, вообще в первый раз выехали из страны: год — восемьдесят девятый, выездные визы, меняют по шестьсот с чем-то долларов. Алеша и Шурочка живут в Москве и к тому, что творится у них на родине, относятся одинаково.

Шурочка — юный генетик, хорошая школа, биологический класс, потом биофак, у Алеши — скромнее. Школа тоже очень хорошая, но потом — «Керосинка», нефтегазовый институт: полукровок даже с русским именем и фамилией в начале восьмидесятых не брали на мехмат МГУ.

У Шурочки ровно-приподнятое настроение, по большей части она улыбается. Алеша, напротив, имеет плаксивый вид, бровки домиком. Ничего, ей он кажется трогательным.

Познакомились не где-нибудь — в Гарварде, возле библиотеки, позавчера. А сегодня он берет у приятеля машину и привозит Шурочку на Кейп-Код: Тресковым мысом называют его только редкие чудачки вроде Алешиного отца. Откуда тому, однако, знать про Кейп-Код? — в «Брокгаузе и Ефроне» про него не написано.

Ситуация ясная: вчерашние дети, культурные, симпатичные, встречаются за границей, в прекрасной стране. Она — генетик, у него — гены, по материнской линии Алеша родственник известного композитора. У Шурочки большая семья, с живыми родителями, с дядями-тетями, да и здесь она — в более выигрышной ситуации (какой-то маленький к ней интерес в Гарварде, приняли тезисы на конференцию), Алеша — к другу приехал в гости. Таких путешественников, как он, называют здесь пылесосами.

Алеша вождедеет Шурочку, он увлечен, она про себя еще ничего не решила. У Шурочки, кстати, чуть больше опыта: она короткое время за однокурсником замужем была. У Алеши тоже, естественно, какой-то любовный опыт имеется. Но эта история — не о любви.

Так они и стоят у воды, пока Шурочка не придумывает развлечение: давать необычным камням имена лермонтовских героев.

Черная, длинная, тонкая — Бэла, вычурный, пестрый — Грушницкий, парочка светлых полупрозрачных камушков — княжна Мери с мамашей, с княгиней, как там ее?

— А это что за булыжник? — спрашивает она.

— Осетин-извозчик.

Шурочке он тоже со школы помнится. Пример использования дефиса.

Максим Максимыч — круглый, немножко рябой. По его поводу споров не было. Вытащили из воды безымянную русалочку из Тамани — для каждого, кого вспомнили, подобрали камушек: для Вернера, и для Веры, и для поручика Вулича, только для Печорина ничего подходящего не нашлось. В самом деле: какой он, Печорин? Много камней полетело в воду, так и не остановились ни на одном.

Была ли Шурочка влюблена в Печорина? — Конечно, лет в тринадцать—четырнадцать. — Вот еще, нашел к кому ревновать.

Общественные куски берега сменяются частными территориями, усыпанными такой же галькой вперемешку с песком, — почти безлюдно, но все же встречается кое-кто: симпатичные люди, с собаками, книгами. Чудесное место Кейп-Код: слева — аккуратные, не пугающие роскошью домики, впереди, сколько видит глаз, — череда пляжей, справа — холодноватый спокойный Атлантический океан.

Тут бы жить, да? Это даже не произносится.

Воздух теплый, вода прохладная, никто не купается, а они — когда еще выберутся? — и вот уже оба в воде. Алеша отлично плавает, но ни движение, ни холод не уменьшают его желания, он подплывает к Шурочке, которая стоит на отмели, прижимается к ней, и Шурочка подчиняется: сначала от удивления перед его активностью, вообще — перед внезапно открывшимися возможностями, а потом — он ей тоже мил. Америка чопорная страна, но мальчик с девочкой в обнимку недалеко от берега вполне укладываются в рамки принятого, да и вода не настолько прозрачна, чтоб уследить, что делается под ней.

Потом они доплывают до берега. Начинает темнеть, но Шурочка замечает, какой у Алеши довольный вид. Сама она несколько удивлена случившимся. Освобождения нравов у них на родине еще не произошло, во всяком случае в их среде. Но они не на родине. Переодеться, забрать Максима Максимыча и прочих деятелей — и назад, в Бруклайн. Пока дошли до машины, небо стало темное, низкое.

Она у тети живет, он — у приятеля, Лаврика, по московским меркам недалеко. Бруклайн — пригород Бостона, фактически его часть. Алеша рассказывает, как он летел в Нью-Йорк. Самолет был пустой — никто билетов не смог достать, идиотская ситуация, идиотское у них с Шурочкой государство. Вот, угораздило. В Нью-Йорке от сорок какой-то улицы до автобусной станции — несколько жутких кварталов: проститутки, наркотики, порнография, виде-ла? — Нет, за ней тетя приехала в аэропорт. — А он повидал кое-что. Даже по-

думал: как фамилия мордастого дядьки такого, из телевизора? — может, он был не особенно и неправ, когда расписывал здешние ужасы? — Она не смотрит политику. Зато у нее здоровенный негр на улице попросил мороженое лизнуть, когда она сказала, что денег нет. — А у него, у Алеши, и телевизора не было, пока мама была жива.

Разговор меняет свое направление: мамы нет, грусть. — Да, единственный живой его родственник — это отец, но тому уже скоро семьдесят. А дед его — представляешь? — родился в последние годы царствования Николая Первого. У них в семье принято поздно рожать детей, пропускать одно поколение. Но никто, конечно, не обижается: могли и совсем не родить. Пусть лучше Шурочка скажет: хочется ей перебраться сюда? Ему хочется. — Ей тоже, как всякому нормальному человеку, естественно.

Они сидят в машине перед тетиным домом. У него от разницы часовых поясов начинают слипаться глаза. — Здесь так хорошо... — Да, очень, и незачем — как это? — рефлексировать, рефлексировать.

«Ребята, в каком вы живете дерьме!» — скажет Лаврик в первый их общий с Алешей американский день, когда выслушает его новости.

Было их трое друзей: Алеша, Лаврик и Родион. Лаврик уехал, вырвался, сразу, как стало можно, и уже в состоянии в гости позвать, и зовет — обоих оставшихся, но Родион ехать не захотел. Неуютно Алеше у Лаврика: тот его наставляет по мелким поводам, счета сводит, московские, школьные. А у Алеши с собой — шестьсот с чем-то долларов, на которые надо, как говорится, поездку еще оправдать. И недавно умерла мать. Не так уж недавно — год, но это когда не твоя мать, то кажется, что давно. При всем том приходится быть благодарным: за еду, за жилье, за то, что машину дал покатать девушку. Противное ощущение, будто ты своим другом пользуешься. А поездку он оправдал: с отцом, а потом и с Шурочкой они несколько месяцев жили на то, что Алеша привез. Очень, надо сказать, тогда не хватало денег всем участникам этой истории. Кроме, вероятно, Алешиного отца.

Вот Лаврик: перебивается какими-то курсами программирования, а живет в основном на выигрыши в казино. Нацепляет дорогие часы (вернее, их имитацию) и в компании русских, таких же, как он, едет куда-то вдаль. Ничего сложного: карты надо считать, которые вышли, и получаешь маленькое преимущество. И запомнить простые правила: когда прикупать, когда нет, когда увеличивать ставки или, наоборот, выходить из игры. Не гадать, не стараться что-то почувствовать. На эту тему и книги есть. Но это, конечно, не очень надежный заработок — таких игроков уже выгоняют из казино.

Комнатка-студия Лаврика, они за столом, одновременно кухонным и письменным, едят разведенную кипятком лапшу, и Лаврик, склонившись над ней (большие уши, маленькая голова), объясняет про биржу, про акции. Рынок ценных бумаг — самое сейчас перспективное. Все бросились на поиск стратегии, дающей стабильный успех.

Алеша хмыкает:

— Философский камень, да? Изо всего подряд добывать золото?

Лаврик просит его не выпендриваться, не кривить рот. Тут серьезные вещи — статистика, теория вероятности, линейная алгебра. Это вам не алхимия. Линейную алгебру Лаврик упоминает с некоторой осторожностью: в математике, как в спорте, в музыке, все знают, кто чего стоит, со школьных времен.

Шурочка улетает в Москву на день раньше него. Под руководством тети она упаковывает багаж, Алеша его помогает взвешивать: каждый фунт имеет значение. Тайно от тети она рассовывает по закоулкам чемодана камушки — Бэлу и Казбича, Вернера с Верой, княгиню с княжной — всю компанию.

Алеша просит:

— Дай и мне что-нибудь.

— Забирай осетина-извозчика.

Шурочка улыбается — белые зубы, черные волосы. Массу всего увозит она из Америки — подарки, бумаги на грант по генетике, видеомаягнитофон. И в виде бластулы или гастролы (ранние стадии развития зародыша) — будущего сына Лео, зачатого в холодных водах Атлантического океана. Возможно, Лео образовался несколькими днями спустя, в Бруклайне, пока Лаврик отсутствовал, но Шурочка склоняется в пользу морской, романтической версии. Ей лучше знать.

В Москве — сильное общественное напряжение, восемьдесят девятый год, люди узнают много разнообразной правды. От мелкого, частного внимание переключено на гражданское, общее. Надо спешить, и они, Шурочка и Алеша, без усилий соединяют две свои жизни. Даже вопрос о том, где им следует поселиться — с ее ли родителями или у Алеши с отцом, — не слишком серьезен: жить надо в Соединенных Штатах Америки.

Вероятно, пока что разумнее было бы ей перебраться к Алеше: большая квартира, есть комната его мамы, правда, сильно заставленная — половину ее занимает рояль, на нем вроде бы играл Скрябин, но, во-первых, — подъезд, в котором ужасный запах (неужели Алеша не чувствует?), а во-вторых, есть отец, не заинтересованный в появлении рядом с собой еще чьих-то жизней.

Мамина смерть не сблизила Алешу с отцом. Она умирала долго: почти пять лет. Комната завалена книгами и пластинками — по мере прогрессирования болезни их количество бесконтрольно росло. Следовало бы выкинуть то, что никто уже не послушает, не прочтет, но кто это сделает? Сохранить ценные книги, того же «Брокгауза» — мало в каком доме есть полный комплект, — а все лишнее продать или выбросить. Но отец перестал замечать этот рост предметов вокруг себя — рост предметов одновременно с исчезновением людей. Уволился со всех работ, отказался от частных уроков и полностью занялся учебником по гармонии — отец его пишет столько, сколько Алеша помнит себя.

Днем и ночью у отца в комнате бубнит радио — «Немецкая волна», Би-Би-Си — их перестали глушить, но отец как будто не слышит приемника. Во всяком случае, не обращает на него внимания. Отец занят учебником.

— Во всех этих строгих правилах про удвоения и задержания есть своя красота, — рассказывает Алеша Шурочке, и та кивает, подробней не спрашивает — и к лучшему, ему трудно было бы объяснить, что это за такие правила. Дальше элементарной теории музыки он не продвинулся, да и ту позабыл.

Музыку Алеша бросил, когда ему было четырнадцать лет. Родители спросили, чего ему не хватает для счастья, он честно сказал. Вероятно, и данных не было, иначе они бы не позволили так поступить. Никакого счастья все равно не последовало.

— Учебник будет совсем другой, чем те, которые есть, — продолжает Алеша. Надо, чтоб Шурочка уважала отца. — Студенты решают задачи, но они не похожи на музыку. — Вот, он вспомнил, как говорил отец: — Надо изучать одного композитора, другого, что один бы сделал с мелодией, что другой. Гармонизовать ее в стилях разных эпох, направлений. Понимаешь, да?

Шурочка понимает, но им невозможно жить вместе с его отцом. Она не противница быта, нет, несмотря на молодость она умеет создать уют. Но находиться в квартире, где пахнет всем — плесенью, мусоропроводом, вчерашней едой, — неприятно и бесполезно ни будущему ребенку, ни Алеше, ни ей.

— Если б ты мог с ним поговорить...

О чем? О том, что надо дать место для новой жизни? Пожилого человека не изменить. К тому же такого нетривиального. Алеша пробует вспомнить, когда они последний раз разговаривали с отцом всерьез. Наверное, перед Алешиным поступлением. Дома было уже так тяжело, что хоть отправляйся в армию.

Ходили слухи (затем подтвердившиеся), что после первого курса мальчиков всех поголовно и заберут — тогда отправляли в Афганистан. Отец нашел пожилого врача-нефролога, та поставила Алеше диагноз, научила, как комиссию обмануть.

— Боишься, что меня там убьют?

— Не только, — ответил отец.

Он не хочет, чтобы Алеша стрелял в людей. На каждого погибшего солдата и офицера в Афганистане приходится чуть ли не сотня убитых жителей — «голоса» отец в то время слушал внимательно.

— Разве это война? Геноцид, резня, карательная операция, как угодно. Должен сказать, Алеша, в моей жизни было много грустного, даже стыдного, как почти у каждого человека, в особенности советского. Но в подобных вещах мы не станем участвовать.

Вот такой разговор.

А теперь Алеша с отцом ведут почти бессловесное совместное существование. У одного молодая жена и планы уехать в Америку, у другого — понятно что: неопрятная старость, нескончаемый учебник гармонии.

В первый вечер после Алешиного возвращения они сидели втроем на кухне: он, отец, Родион. Алеша не выдержал:

— Вы бы знали, в каком мы дерьме... — разморило его от вина и от того, что не выспался.

— А мы всё ждем, когда ты нам это выскажешь, — засмеялся Родион своим наполовину беззубым ртом.

От Родиона всегда, со школьных еще времен, исходило ощущение нравственной правоты. Теперь, по возвращении из Бостона, после встречи с Шурочкой, Алеша увидел, на чем вся его правота держится, — на обделенности. Родион никак не мог доучиться: он-то как раз послужил в армии.

— А что, много американцев звонит Лаврику? — спросил Родион. — А то он мне на Новый год ответил: «Хелло».

Нет, Лаврику звонят только русские.

— Просто... там так хорошо, что хочется быть своим.

Отец сказал:

— Эмиграция — катастрофа, психическая болезнь.

Откуда он может знать? Он и за границей ни разу не был.

— А здесь оставаться — не психическая болезнь?

— Тоже болезнь, но другая какая-то. — Хоть бы Родион уже перестал свои зубы показывать! — Родина — она для чего-то все же нужна.

Для чего-то, да. Для чего?

Таким был предотъездный период: с бессмысленными разговорами, оформлением бумажек, интенсивным освоением английского, с волнениями по поводу Шурочкиной беременности, одалживанием весов, ванночек и других вещей.

Наконец ребенок рождается, его регистрируют. Разногласий по поводу имени нет. Лео, пусть будет Лео — имя красивое, короткое, международное.

2.

Много всего происходит за почти десять лет: первый зуб Лео, потом первым же выпавший, первые слова, которые он произнес, крещение его в Москве, накануне отъезда — по настоянию одной из двоюродных бабушек, она и выступила крестной матерью. Крестным стал, естественно, Родион. Но это опять-таки все было — общее, которое неинтересно. Потому что интересно — единичное, частное, вроде камушков на берегу, а младенцев тогда в Москве всех крестили. По приезде в Америку еще и обрезание сделали. В Америке все мальчики оказались обрезанными, в то время имелись на этот счет свои медицинские соображения. Алеша с Шурочкой и подумали: пусть уж будет как все.

А Максим Максимыч с компанией лежат на стеллаже с книгами, как раз рядом с Лермонтовым. В их собственном доме. Несколько лет как приехали, а уже свой дом. Алеша теперь не Алеша — Алекс, на здешний манер, да и она не Шурочка — Александра: следовательно, тоже Алекс, к чему эти многосложные имена? Дома она, разумеется, Шурочка.

Существует много способов приобрести дом. Например, купить его, собственно, не выкупая: только проценты платить. А когда придет время, когда Лео вырастет, то и дом станет дороже — продать его и найти себе на том же Кейп-Коде что-нибудь небольшое, но у воды — так у них запланировано.

Алекс, которая Шурочка, устроилась в маленькую генетическую лабораторию, ее зарплата почти целиком уходит на няню для Лео, неизменно русскую — за прошедшие годы у Лео сменилось несколько нянек, ни к одной из них у него не возникло привязанности. Алекс-Алеша служит в средних размеров компании, пишет программное обеспечение для игры на бирже ценных бумаг. Финансовые результаты у компании превосходные, программы работают — теория случайных процессов, линейная алгебра, никаких чудес.

Жизнь семьи — в ежедневных совместных обедах (по-нашему — ужинах), в том, что Алекс с Шурочкой каждую ночь ложатся вместе в постель, в отправление Лео в школу и на дополнительные занятия, в приятном, без дурных запахов быте, в праздновании семейных и некоторых государственных праздников — без пафоса, свойственного недавно приехавшим. Побывали в Италии (дважды), в Испании, Франции — это больше Шурочке интересно, и — польза для мальчика. Алекс не ощущает потребности в путешествиях, ему и дома, в Бостоне, хорошо.

«В Америку хотят многие, а в Царствие небесное никто не торопится, — скажет, поглядев на них, Родион. — Да оно вам, как будто, и ни к чему, в таком вы живете согласии». Родион однажды приедет к ним, но не задержится. Что-то совсем свое интересуется его в Америке, какие-то монастыри — Алекс с Шурочкой и не думали, что в Америке сохранились монастыри. Родион теперь очень набожен. Пусть. Перед отъездом произносил что-то про чадородие, мол, надо бы вам, друзья, занять побольше детей. Благодарил, хвалил, но осталось тяжелое ощущение: он их что, осуждает?

— Ханжа он, твой Родион, — сказала Шурочка. — И Лео он не понравился.

Лео было тогда шесть лет. Двумя днями раньше Родион случайно пролил ему на ноги горячий суп.

— Молодец, не расплакался. А Родион твой урод. И руку не умеет пожать.

Это правда: с рукопожатиями у Родиона всегда были сложности. Жал руку вяло и как-то хихикая, будто делает что-нибудь неприличное.

— Мокрая курица, фу.

Не может быть никакого знания и правды на стороне человека с такими руками, считает Шурочка.

— Пожалуйста, не расходись, — Алекс делает бровки домиком. — Родион обещал приглядеть за отцом.

— Это нормальные вещи между товарищами. — Шурочка не унимается: — И имя какое-то идиотское.

— А ты случаем не беременная?

— Нет, случаем не беременная.

А имя... — Алекс смеется:

— Не всем же быть Алексами.

Родион и правда обещал приглядывать за отцом, найти ему тетку — помощницу по хозяйству. Не так это просто, отец не хочет чужих людей, да и где эту тетку возьмешь? Не в деньгах дело, не только в них, никто работать не хочет. Странно такое слышать от Родиона.

По субботам в одно и то же время Алекс звонит в Москву, и у них с отцом происходит разговор, недлинный, примерно один и тот же. Отец жив. Тех денег, которые посылает Алекс, достаточно. Он рад, что у Алекса все хорошо.

— У тебя не должно быть чувства вины, — говорит ему Шурочка.

Не должно, так не будет. Да и нет никакой вины. Отец даже в гости ехать не хочет. Не силой же тащить старика.

Других интересов, кроме учебника, у него сейчас нет. Вот когда он допишет его до конца... Еще надо будет издать. Странно: такая важная вещь, как гармония, говорит отец, сейчас мало кому нужна. Нет, он не жалуется, но не заметил ли Алекс, что истина вообще теперь меньше интересует людей? Отец не хочет вводить Алекса в лишние затруднения, но печатать учебник придется, видимо, за свой счет.

Во всех смыслах по этому поводу можно не беспокоиться. И — права Шурочка — не должно быть чувства вины.

Неделя за неделей, год за годом — одинаковые разговоры. Надо слетать в Москву — самому его навестить, показать ему Лео, а то ведь это когда-нибудь кончится.

Лео скоро исполнится десять лет, школа частная, дорогая. Лео любит выигрывать, в своем классе он один из первых учеников, но все же не первый — второй-третий, как правило, — выигрывать любит не только он.

Важнейшая часть обучения — иностранные языки и спорт: в лучших университетах страны первым делом обращают внимание на спортивные достижения. Лео невысок ростом, в Шурочку (она на физкультуре всегда была «последняя, расчет окончен»), поэтому такие виды, как теннис, плавание, баскетбол, для Лео исключены. Для здоровья — пожалуйста, но нужен настоящий успех, поэтому с его выдержкой и честолюбием Лео должен заниматься единоборствами. Бокс не для белых мальчиков, следовательно — борьба.

Худой, белозубый (и тут в мать), с карими глазами и длинными пальцами (эти признаки Лео наследовал по отцовской линии), он похож и на Шурочку, и на Алекса внешностью, а характером — трудно сказать.

Алекс спрашивает у Шурочки:

— Вот ты генетик, должна ответить: что сильнее влияет на человека — воспитание или наследственность?

— А на площадь прямоугольника что сильнее влияет — длина или ширина? Умная у него жена.

Иногда Лео пугает родителей: недавно, чтобы произвести впечатление на девочек, да и на мальчиков заодно, он открыл окно третьего этажа, сделал стойку и так и стоял на руках, пока не прибежали учителя. Их позвали ребята: в школе принято все сообщать.

— Даже когда поругаешь его, накричишь, не сойдет с места, не отступит назад, — отзывается о нем Шурочка не без гордости.

— Далеко пойдет, — говорят ее тетушки. — Если бы вы его родили в Америке, мог бы президентом стать.

Чего только не говорят про детей? А пока что жизнь Лео — это школа и дополнительные занятия: русский язык, французский, борьба. Еще разговоры с родителями.

С разговорами появляются сложности. Лео хоть и владеет русским, стал отвечать родителям по-английски. Все эмигрантские семьи переживают нечто подобное, оттого и приглашают учителей.

— А как он маленьким хорошо говорил! — Шурочка огорчена.

Они припоминают смешные словечки, которые произносил Лео. «Пикчурескный» — про пестро одетого человека. А что? — могло бы такое слово существовать. Или вот «нос мочится», это когда он болел насморком. Все родители могут что-то такое про своих детей рассказать.

Скоро у Лео будет день рождения, придут мальчики, даже впервые — девочки. Одна из них — Юля со странной фамилией Караваяев-Шульц — ему очевидно нравится. Папа ее, Караваяев, и мама, Шульц, — скрипачи, родили Юлю в Испании, потом сюда перебрались, в не самый лучший оркестр.

Юля — первая в классе, ее родителям трудно платить, им делаются послабления, настолько она талантлива. Именно ради Юли — первой ученицы и первой, надо думать, красавицы — Лео вверх тормашками стоял на окне.

По поводу этого происшествия выясняются некоторые подробности. Дети, кто находился рядом, оцепенели от ужаса, кто подальше — побежал за учителем, а Юля подошла к нему ближе всех, и Лео ей сказал по-французски: *Tais-toi et ne bouge pas*. Почему нельзя было по-русски сказать: молчи и не двигайся?

Алекс спрашивает: а за ней, за Шурочкой, когда-нибудь ухаживали таким способом? — О, ухаживали разными способами, в том числе самыми идиотскими. Теперь зато ей приходится наблюдать мальчишеский идиотизм изнутри.

Что подарить Лео на первую его круглую дату? А чего он сам хочет?

Лео хочет перестать заниматься русским, ему больше не нужен русский язык.

Объявил — и ушел к себе. Алекс просит его спуститься в гостиную.

Лео спрашивает: а если бы они были выходцами из любой другой страны второго или третьего мира?..

— Видишь ли... Культура там первый сорт, — Алекс показывает на полки с книгами. — И наука, когда-то была. В смысле науки можно, конечно же, обойтись...

Сейчас он объяснит сыну, зачем действительно нужен русский язык.

— «Но я люблю, за что не знаю сам», — декламирует Алекс, — «ее лесов...» «Ее степей...» Ах ты, забыл. «Разливы рек...» — Нет, совсем не помнит Алекс этого стихотворения. — Ну, в общем, лесов, полей и рек, — смущенно смеется он.

Вспоминает, как сам бросил музыку. Гены — великая вещь. Зубы у Лео белые-белые, он улыбается Алексу. Не зло, просто улыбается.

В одну из суббот отец не поднимает трубку. Не откликается он и на следующий день. Родиона удастся найти только к вечеру по московскому времени. Он теперь какой-то паломщик или псаломщик, Алеша не понимает в этих делах. Говорит: грешен, каюсь, давно у него не был и не звонил, паломническая поездка на прошлой седмице... Что еще за «седмица»? — Родион три недели не звонил старику.

Еще день: Родион съездил, но никто ему не открыл. Ключ есть, он под ковриком, но дверь почему-то не открывается. Может, сломался замок. А может, отец дверь закрыл на задвижку. — На какую задвижку? Мы никогда ею не пользовались. — Это в Америке у себя вы можете не запирасть дверь, а у нас жизнь опасная.

Недотепа — права была Шурочка. Пусть милицию вызовет, пусть вышибут дверь.

— И пытаться нечего. — Внезапно Родион проявляет твердость: милиция действует только по заявлению от родственников.

— Свет в квартире горит?

Родион не помнит. Разве что-то меняется от «горит — не горит»? Снова ехать туда смысла нет. В тоне Родиона слышится: он — тоже человек.

— А соседи?

— А что соседи?

Алекс знает ответ: из-за музыки они у соседей были всегда на плохом счету.

И телефон работает. Родион проверил, позвонил на станцию. Как-нибудь хватило ума. Алекс просит: давай не ссориться.

— Молиться надо, молиться, — твердит Родион.

Надо лететь в Москву — и срочно, но срочно не получается, виза нужна. Кто-то передает слух, что всех уехавших восстановили в гражданстве — уезжали-то из другой страны. Алекс пробует выяснить это в консульстве, он им пишет — по-русски, получает ответ по-английски: виза нужна.

Одна надежда, что отец в больнице.

— Либо в каком-нибудь доме творчества композиторов, — успокаивает его Шурочка.

Какой там дом композиторов...

Через восемь ужасных дней Алекс приземляется в Шереметьево.

Он проходит таможеню, меняет деньги, садится в такси.

Невысокий плотный водитель — теперь это самый распространенный здесь тип мужчин — везет его к дому. Родион приехать в Шереметьево не сумел: заболел какой-то инфекцией. На улице холодно и темно: в октябре тут темнеет раньше, чем в Бостоне.

Он с трудом узнаёт дом, хотя жил в нем — с шестьдесят пятого года, с рождения. В окнах отца — свет, что плохо, наверное. Если бы отец находился в больнице, он бы его потушил.

Ключ там, где всегда, под ковриком, Алекс вставляет его в замок. Рука дрожит, и пульс частый. Поворачивает замок, но открыть не может. Таксист — он оставил его внизу — идет помогать. У таксиста тоже не получается.

— Задвижка. У меня бабка... — бормочет таксист.

Он не слышит его. Дверь заперта изнутри. Начинается дрожь, которая, становясь то сильнее, то слабей, будет сопровождать все московское путешествие Алекса.

В милиции он садится писать заявление. Выходит ужасно медленно: не писал ничего по-русски уже несколько лет, да еще от руки.

Милиционер смотрит на его мучения:

— Звони в МЧС, у них не такой геморрой... — Он имеет в виду: меньше формальностей.

На ступеньках подъезда Алекс ждет эту самую МЧС, раньше и слова такого не было. В милиции спросить постеснялся, а у таксиста — забыл. Совсем плохо ему одному. Американский телефон не работает. И дрожь — внутренняя, внешняя, всякая.

Подъехали. Парни лет двадцати пяти. Владимир и Стас.

Документов не спрашивают. Идут за ним.

— Вы же говорили — второй.

Он понимает свою ошибку: в Америке принято иначе нумеровать этажи.

— Простите, недоразумение. — Дает им ключ.

— Понятно, — говорит Владимир. — Понятно. Купюра есть?

Алекс протягивает первую, что попадает под руку, — сто рублей.

Владимир просовывает ее в щель, дергает. Открыть не выходит.

Алекс догадывается:

— Может, надо сто долларов?

Стас улыбается: нет.

Алекс имел в виду, что доллары жестче, поэтому.

Ребята его правильно поняли. Нормально всё. Без обид.

— Но я ведь буду вам сколько-то должен, не правда ли?

— Никогда не отказываемся, — отвечает Стас.

Владимир прикладывает ухо к двери:

— Голоса.

Алекс тоже бросается к двери, слушает. Это радио. У отца всегда — радио.

Втроем они выходят на улицу, осматривают окно.

— Надо звонить на пульт, — Стас хлопает себя по карманам. — Курить кончилось. У тебя есть, Володь?

Они говорят — нужна какая-то особая лестница. Лишь бы нашлась. Лишь бы они его тут не бросили.

— Чего мерзнуть, — говорит Владимир, — пошли в дом.

Дрожь удалось немного унять. Он оглядывается. Разве всегда было так? Что за миска в углу? Все какое-то жалкое. Стас вернулся: машина скоро придет.

Он слушает их разговор. То ли один Стас, то ли оба они собираются в армию. По контракту. Срочную службу отслужили давно. На Кавказ поедут. Тут-то что делать? Тут же нет ничего.

— В каком смысле?

— Ну, нет ничего.

Наконец они говорят: коллектив. Вот что там есть. А тут нет. Тут каждый сам. Слишком много всего для Алекса. Он все же спрашивает:

— А кто враг?

— Кто стреляет в меня — тот и враг. А утром я, может, у него пойду покупать баранину на шашлык.

Вот так. Давно он не был в Москве? — Да, давно.

— Могут убить, — говорит Алекс.

В девяноста процентах случаев убивают тех, кто идет добавлять. Понятно? — Чего уж там не понять? Не настолько забыл он русский язык.

— А прапорщик потом пишет матери: «Ваш сын погиб смертью храбрых».

— А чего он должен писать: «Бухой пошел за бухлом»? — хохотнул Стас.

Владимир строго посмотрел на товарища. Они знают, что обнаружат, когда попадут внутрь.

Машина подъехала. Встали. Вперед!

Алекс со Стасом идут на третий этаж и едва успевают подняться, как квартира вдруг оживает. Звуки бьющегося стекла, шаги. Дверь отворяется. На пороге Владимир. Стоит, заслоняя проем:

— Стасик, давай милицию. Алексей, вам не надо сюда.

В ту ночь приезжало еще очень много людей. Кто-то ему потом помог поселиться в гостинице.

Так Алекс стал старшим в семье.

3.

Несколько лет проходят без приключений, и вот уже Алексу сорок два, как и Шурочке. Конечно, найдется что рассказать в компании: как опоздали на самолет, или как тебя по ошибке приняли за известного скрипача, или как на лыжах катался и сломал лодыжку, и что нарисовала на гипсе Шурочкина родня, когда навещала в госпитале.

На работе много всего: можно вспомнить, как уходил из компании, прихватив с собой несколько человек, и как основал свою, как судился и удалось выиграть, можно коснуться и содержания деятельности, поисков философского камня, — Алекс с удовольствием пользуется старой своей метафорой, — но тут всего рассказать нельзя. Говорить о работе вообще не следует: секретность — обязательное условие успеха в игре. А если уж зашла речь — не упоминать деталей, не раскрывать карт. Отшучиваться, отделяваться метафорами.

На рынке акций — в самом большом мировом казино — представлено несколько тысяч компаний. Что именно они производят, не имеет значения. Важно одно: их акции то падают, то растут, рынок волнуется, как океан. Правила, по которым происходят его колебания, таинственны, их предстоит исследовать. Ловлю в океане веду и при большом волнении, и в штиль, и всегда

малыми партиями, чтобы не обнаружить собственного присутствия, рыбу не распугать.

Все чаще приходится видеть джентльменов под шестьдесят, которые провели свою жизнь на бирже: с поставленными голосами, элегантно одетые (маленький Лео назвал бы их пикчурескными), раньше они продавали контракты на апельсиновый сок, кукурузу, медь. Не нужны оказались теперь их умения перекрикивать других джентльменов, носить костюмы, выхватывать нужное из колонок цифр. Что им ответить, когда они просят на работу? В их возрасте уже не освоить линейной алгебры.

Алекс теперь владелец компании. Ежедневно они совершают сделки на суммы в двести, триста, четыреста миллионов долларов. Эти деньги давно перестали быть тем, чем призваны, — эквивалентом предметов или услуг. Тому, кто не имел дела с такими суммами, не объяснишь. С деньгами обычными, которые лежат в кармане или на личном счету, Алекс ведет себя бережно, он сохранил к ним юношеское отношение — их было мало тогда. А большие деньги — те, что он каждый день забирает и вкладывает, — это абстракция, свободные члены математического уравнения. И потому временные проигрыши в несколько миллионов огорчают Алекса не сильнее, чем поцарапанный бампер или неожиданно дорогое мороженое в аэропорту. Он любит свою работу: алгоритмов на все случаи жизни написать нельзя, приходится их подчищать, совершенствовать. Теперь это можно делать, даже не одеваясь, из дома — верней, из домов: их у Алекса с Шурочкой стало два.

Один, они его называют старым, — неподалеку от Бостона, в Ньютоне, другой — естественно, на Кейп-Коде, сбылась мечта. У океана, небольшой снаружи, просторный внутри, с вторым светом. Наверху по периметру: спальни Лео, Алекса с Шурочкой, комната для гостей, кабинет Алекса. Они могли бы себе позволить квартиру в Риме, Милане или Венеции и даже, наверное, сразу во всех этих трех городах, но, где бы он ни оказывался, Алекс скучает по Новой Англии — по двухэтажным домикам, зеленым прямоугольникам с номерами дорог, по понятной доброжелательности — на предсказуемом расстоянии между людьми.

В новом доме Алекс с Шурочкой бывают наездами: вот Лео окончит школу, уедет в университет, тогда они там устроятся более основательно. А пока Шурочка перевезла на Кейп-Код коллекцию камушков: Максима Максимыча, Бэлу, Грушницкого — Шурочка все еще помнит, кого из них как зовут. Семейные торжества, обеды с участием ее родственников тоже постепенно переезжают сюда: все любят Кейп-Код.

В свете успехов мужа Шурочкина профессиональная деятельность оказалась мало нужна, и она ее постепенно оставила. Ей хватает семейных дел. Думала заняться благотворительностью — говорят, у нее хорошие организаторские способности, — но время еще не пришло. Сейчас, когда Лео вырос, самый большой ее интерес — путешествия.

Шурочка любит Европу, в особенности Италию. Однажды она едет туда с одной из тетюшек — с той, у которой останавливалась в восемьдесят девятом

и которая там никогда не была. Нельзя допустить, чтобы тетушка не повидала Италии.

Шурочка по-прежнему привлекательна, сорока ей не дашь, в путешествиях за ней ухаживают мужчины, некоторые — отнюдь не по-идиотски, но она верна Алексу. Тот ведь их любит — мальчика и ее. Возможно, не очень творчески, если так можно сказать, без той спонтанности, которая, как ей кажется, одна и могла привести к зарождению Лео, но ведь Алекс всего себя отдает, чтоб они были счастливы, так?

Шурочка едет в Италию, а по возвращении показывает Алексу фотографии. Кладбище, русская часть. Ухоженные могилы, плиты GOLITSYN и TROUBETSKOY, латинскими буквами, и неожиданно чуть поодаль — заброшенная, покосившаяся ВЕРА ГОЛУБЕВА, кириллицей. Фотография не может всего передать. Шурочку эта самая Вера Голубева очень тронула. Кириллица, она соскучилась по кириллице. Алексу это не кажется большой бедой.

В отсутствие Шурочки у него опять побывал Лаврик. Каждый его приезд оказывается испытанием, но если у тебя много денег, надо уметь терпеть.

— Могли ли мы, простые московские мальчики?.. — начинает Лаврик, запихая в рот еду. Он уже, что называется, под газком. Забыл, что хотел сказать. — Будь здоров! — Лаврик пьет за рулем много больше, чем тут позволено. — Старичок, помнишь, как я кормил тебя китайской лапшой?

Алекс ничего не забыл. Уши у Лаврика становятся красными — то ли от выпитого, то ли потому, что опять ему нужен совет. Скоро он скажет: «Я должен попросить твоего совета». «А потом моих денег», — захочется ответить Алексу, но он не станет так говорить, даст.

— У меня теперь очень левые убеждения, — заявляет Лаврик.

В чем они состоят? В неуважении к чужой собственности? В том, чтобы не отдавать долгов? Алексу надо поскорей попроситься с Лавриком и вернуться к работе, но они говорят обо всяких посторонних вещах, причем Лаврик все время на него обижается:

— Естественно, наличие денег делает твои суждения более вескими...

Надо перетерпеть и это. Однако замечания Лаврика неприятны: все-таки главное в Алексе то, что он математик. Хороший прикладной математик, да.

Лаврик переходит к делу: он попал тут в одну историю... Глупую, не хочется говорить. Короче, угрожает тюрьма. Лаврик надеется, что по болезни его все-таки не посадят. Он, кстати, сильно разочаровался в Америке.

Какая у него болезнь? — Псориаз.

— Есть специалисты, из наших с тобой соотечественников, справку сделают. И он обещает больше не беспокоить Алекса, не приходить.

После получения чека у Лаврика сильно улучшается настроение:

— По гроб жизни обязан.

Алекс пропускает его вперед:

— Надеюсь, все-таки не по гроб.

Он смотрит, как отъезжает Лаврик — в прошлый раз тот опрокинул мусорный бак, — и думает, что таких друзей, как Лаврик и Родион, у него уже не появится. Хоть оба и оказались засранцами.

Вдруг вспоминает эпизод, случившийся через несколько дней после похорон отца.

Они с Родионом условились встретиться в центре Москвы — разумеется, возле какого-то храма, — пойти на квартиру, вещи поразбирать, одному ему было там жутковато. Как ни тяжело полагаться на Родиона, кроме него просить оказалось некого. Алекс явился раньше назначенного, замерз и зашел в магазин, где торгуют церковными принадлежностями. У зеркала стоял Родион и примерял высокую фиолетовую шапку. Увлекся настолько, что не замечал вокруг себя ничего.

— А покажите-ка еще вон ту камилавочку, — попросил Родион.

Шапка, которую он держал в руках, была явно не первой из им примеренных. Над прилавком висело много других шапок, в том числе круглых, богато украшенных.

Продавщица о чем-то стала спрашивать Родиона недобрым голосом.

— Я ищу подарочек бабушке, — перебил ее Родион. — У него такая же голова, как моя! Такой же размер!

На лице у Родиона появилось то особенное выражение, которое Алекс, как оказалось, помнил с ранних школьных времен: таким становилось его лицо, когда Родион врал учительнице. Испорченные зубы, нравственная правота — это пришло потом. Алекс вышел, стал ждать на улице. Тогда он не мог застревать на таких впечатлениях, а сейчас — сколько уже? — шесть лет прошло — вспомнил вдруг.

Лео разочарован родителями.

Во-первых, они не очень хорошо говорят по-английски, у обоих акцент. Подумаешь, говорит Алекс, акцент только делает речь более выразительной. Но Лео, видите ли, не любит, когда язык коверкают. В школе его научили британскому произношению — заслушаешься, некоторые слова он произносит так, что и родителям не понять.

Во-вторых, Алекс с Шурочкой — люди малоспортивные. Когда Алекс сломал лодыжку, то, по словам Шурочки, Лео ждал, что, как только нога заживет, они снова встанут на лыжи и поедут кататься с гор — что-то там доказывать. Лео было тогда четырнадцать.

— Если что и можно доказать таким образом, то только свою глупость, — откликается Алекс.

Мало кому из родителей удастся не раздражать детей.

У Алекса с Шурочкой тоже имеются к Лео претензии. В частности, Шурочку расстраивают его выходки по отношению к Юле. Никого, кроме нее, Шурочке рядом с Лео видеть не хочется, как она ни уверяет себя, что сводничество — дело бесперспективное.

Очень ей понравилась Юля еще на том, историческом, дне рождения, накануне которого Лео бросил русский язык. «Ты смеешься, как моя лошадка», —

сказала ей Юля, первая ученица и, правда, красивая девочка. Шурочка играла с детьми в «Монополию», ей против ее желания везло, и она старалась как-нибудь смухлевать, чтоб не выиграть. Они с Алексом выпили вина, и Шурочка действительно много смеялась.

Что же касается сводничества, то перспективы есть. Когда детям наступает пора ходить на свидания (между пятнадцатую и шестнадцатую), родители с разных сторон их привозят — в кино, например, или в парк: без машины перемещаться между пригородами невозможно, а водят только с шестнадцати. Родители разъезжаются, а по окончании свидания разбирают детей по домам. Некоторые пары взрослых даже вместе сидят в соседнем кафе, но ни Алексу с Шурочкой, ни Караваеву с Шульц такие сближения не по нутру.

В один из вечеров Юля, родственная душа, зовет Лео на итальянский фильм. Шурочка доставляет Лео к кинотеатру. Вот отъехала машина, в которой привезли Юлю, у них одна машина на всю семью, ее легко опознать по разбитому правому заднему фонарю. А вот и Юля у входа в кино, надевает узенькие очки, всматривается — где ее друг? И тут Лео — он сидит на переднем сиденье — внезапно сползает вниз, командует: стоп, высаживай. Вышел, спрятался в тень. Давай, разворачивайся и уезжай. Пусть Юлечка подождет, повыглядывает — очевидно, таков его план.

— Сама говорила: мальчишеский идиотизм. — Алекса, если что и тревожит в Лео, то его академическая успеваемость.

Нужно хорошо сдать экзамены и наплевать на спорт. Они по неопытности переоценили его значение.

Успехи в борьбе хорошие, но не такие, чтобы на многое претендовать. Лео вдруг вырос, стал тяжелее, ему пришлось перейти в средний вес — сразу на две категории вверх, и там оказалась серьезная конкуренция. Разумнее сосредоточиться на учебе, бросить спорт, раз с его помощью не попадешь в хороший университет, но Лео не хочет уходить из секции.

— И чего он в этой борьбе нашел? — Алекс как-то побывал на соревнованиях: потные парни обнимают, сжимают друг друга, стараются повалить, потом продолжают возню на полу.

Шурочке тоже борьба не нравится. И зачем, спрашивается, продолжать? Она поняла Лео так: лучший момент — когда ты терпишь, терпишь, даже, может, немного проигрываешь, а потом чувствуешь — все, он сломался, поплыл, твой соперник, сейчас ты его дожмешь. Странное удовольствие.

— Хорошо, хорошо, пускай, — будто кто-то спрашивает мнение Алекса.

Вырос их мальчик — своя машина, свой заработок: то спасателем в парке, то кем-то еще. Тем и сильна Америка — дети богатых людей тоже начинают с нуля.

И вот уже Лео в последнем, двенадцатом классе. Многие его сверстники устроились официантами, библиотекарями, инструкторами по теннису. Лео по вечерам следит за порядком в каком-то кафе, двадцать долларов в час. Странно, что взяли, ему только в мае исполнится восемнадцать. Посетители — люди довольно смирные: максимум насилия, которое приходится при-

менять, — пожать человеку руку, посмотреть в глаза. Шурочка представляет картину: ночь, луна, пивной ресторан, Лео выводит нарушителя на слабо освещенную улицу. Хорошо, что школа подходит к концу, скоро Лео, будем надеяться, поступит в университет, начнется другая жизнь. Хорошо бы еще девочку Юлю не обижал. Ей, между прочим, дали рекомендацию в Гарвард, а Лео — нет. Как-то он это переживает?

Школа закончится через несколько месяцев, а чем он займется, Лео, видимо, не решил. Может быть, сразу никуда не пойдет, осмотрится. Шурочка говорит: — Хоть с армией не возникнет проблем.

Ни тяги, ни способностей к естественным наукам нет, к гуманитарным тоже. Наверное, выберет что-то техническое. Может быть, юридическое. На худой конец — школа бизнеса. Единый экзамен написал не блестяще.

Алекс трезво оценивает ситуацию:

— На Гарвард не тянет, скорее — на «Керосинку». Здешние «керосинки» тоже вполне ничего.

Есть сотни университетов, куда его могут взять. А он в какие подал? Лео запирается в своей комнате, рассылает письма. В Гарвард и еще в пять или шесть громких мест. Всё сам.

— Кто бы ему объяснил, что это глупо, в конце концов? Друзья у него есть? — Алекс запутался, он огорчен.

— Кто-то есть. То ли с борьбы, то ли из этого... заведения. — Шурочка тоже огорчена.

Юлю, между прочим, в Гарвард приняли, это стало известно уже в феврале. И во много других мест — чуть ли не всюду, куда подала. Шурочка очень рада за Юлю, искренне. А Лео надо учиться проигрывать.

Куда он все же отправится? — Он скажет, когда время придет. Всё.

— Давай оставим его в покое, — предлагает Алекс, — пусть сам разбирается. Не даст он себе помогать.

И не дожидаясь ответа от Лео, они переселяются на Кейп-Код. Май, у них под окнами что-то уже цветет — магнолии и всякие другие деревья, Алекс никогда не помнит, как они называются.

4.

Есть вещи, которые забыть невозможно: купание с Шурочкой в восемьдесят девятом, поиски отца в двухтысячном. И то вторжение Лео с товарищем к ним на Кейп-Код в июне две тысячи восьмого года Алекс тоже будет помнить всегда. Но за две или три недели до этого у них неожиданно появляется Юля.

Подъезд к дому выложен галькой, она скрипит под колесами, Шурочка выглядывает в окно. Юля, надо же! Она думала, это Лео.

— Ой, Лео тоже приедет? — Юля пытается скрыть волнение, но она всегда была искренней девочкой.

С ними Юля разговаривает на русском. Вообще-то она заехала попрощаться: послезавтра выпускной бал, а на той неделе она улетает в Испанию — там живут ее бабушка и прабабушка, очень старая, никого уже толком не узнаёт. А потом — Гарвард, другая жизнь. Школа, детство закончились.

Трогательно: Юля ради них проделала такой путь — все-таки полтора часа. Скоро Лео приедет, они пообедают.

У Юли в глазах появляется жалкое, просящее выражение — конечно, было наивно думать, что она здесь ради них с Алексом. Да, Лео приедет забрать костюм для выпускного вечера, Шурочка отдавала брюки подшить. А Юля в каком платье будет? Есть фотографии?

Опять Шурочка говорит не то? Оказывается, Лео не будет танцевать с Юлей, он пригласил Джоан.

Джоан — хромая, одна нога у нее сильно короче другой.

— Никто не хотел ее приглашать, — голос Юли дрожит, срывается. — Благодарно с его стороны, да?

Лучше оставить ее в покое, пусть посидит. Может, сока или воды? — Спасибо, она просто так подождет.

Юля выходит в смежную с гостиной комнату, подходит к книгам. Она не решалась раньше спросить: это что за камушки?

Это не просто камушки, а очень дорогое для Шурочки воспоминание. Для них с Алексом. Показывает:

— Вот княжна Мэри, вот доктор Вернер, а это Янко-контрабандист...

Юля не понимает, о ком идет речь. Неужели она не читала? Как могло такое произойти? Сейчас мы это поправим. Шурочка достает книгу: устраивайся поудобней, тебе предстоит огромное наслаждение. Как раз, пока они ждут... А Шурочка займется обедом. Как Юля относится к ризотто с говядиной и шампиньонами?

И вот проходят еще полчаса и час. Приближаются сумерки, Алекс спускается вниз — пора бы перекусить. Что-то Лео задерживается.

— Тсс, тихо, не мешай девочке. — А Лео она сейчас позвонит.

Хорошо, что догадалась подняться наверх.

Ах, его Юля ждет! — Шурочке кажется, что она слышит свист тормозов. Нет, Лео не приедет сегодня. Костюм — потом.

— С университетом что-нибудь определилось? — кричит Шурочка.

Скоро, очень скоро они узнают. Отбой.

И как теперь Юле сказать? Да так и сказать, чего уж там.

Юля захлопывает книгу, встает. У нее выступают красные пятна на лбу.

Алекс спрашивает: как книга, нравится? Она не могла, конечно, ее прочитать за час, пусть забирает с собой. Они будут рады подарить ей Лермонтова.

Нет, нет, Юля не возьмет подарок.

— Скажите, — спрашивает она, — это дорогая книга?

Алекс не понимает, что произошло. Почему она плачет?

Шурочка подсказывает:

— Из-за бабушки. То есть прабабушки. Юля, Юлечка, все будет у тебя хорошо.

Прыгнула в машину, уехала.
Дорогая ли книга? Станный вопрос.

Жара в том году началась раньше обычного, и Лео с товарищем, войдя в дом, немедленно просят пить. Воды со льдом. Простой воды.

Лео называет имя своего спутника, но у Алекса с Шурочкой оно сразу вылетает из головы. Джон, кажется. Или Джордж. Неловко переспросить. Стрижен наголо. Уши у него выдающиеся.

Попили воды. А теперь — внимание, всем сесть.

— Барабанная дробь, — ухмыляется этот самый Джон или Джордж.

Кажется, Лео нервничает. Нет, ничуть. Поздно нервничать. Они хотели знать, куда он дальше пойдет? Так вот, — пауза — его сегодня зачислили в Военную академию. Известную как Вест-Пойнт.

Услышав новость, Алекс с Шурочкой наклоняют головы, боятся друг на друга взглянуть.

Лопоухий нарушает тишину первым:

— Они у тебя языки проглотили от радости.

А этот зачем здесь? Чья идея? Откуда взялся Вест-Пойнт?

Уже нет никакой разницы. Лео сделал свой выбор. Это его решение. Алекс с Шурочкой смотрят на сына и на его товарища: если кто-то один и имеет тут власть, то этот один — Лео.

Между прочим, обучение бесплатное. Лишь в том случае, если Лео уйдет из армии, деньги надо будет вернуть.

При чем тут деньги? Это что же, только сегодня выяснилось — про Академию? — Окончательно — да.

Лео повернулся к ним в профиль, смотрит в окно. Выглядит просветленным, ясным. Решение принято. Деньги не все решают, они действительно ни при чем. Лео выдержал все вступительные испытания.

Испытания?

Лопоухий опять тут как тут:

— Подтягивания — восемнадцать раз, отжимания — семьдесят, приседания — семьдесят...

— Семьдесят, — повторяет Алекс растерянно. Он не знает, за что зацепиться, о чем спросить. — За какое время?

Лео кивает: резонный вопрос. Так сказать, поддержал отца.

— За минуту. — Друга его не сбить. — Бег по пересеченной местности...

Алекс откашливается:

— А вас?.. Вас тоже можно поздравить?

Нет, Лопоухий не прошел в Академию, но поздравить — да. Судьба решилась. Определенность — самое главное. А уж ради той встречи, какая сегодня была, можно все что угодно выдержать. Встречи с тем, кто проводил собеседование.

— Тридцать лет в армии! Взрывали его — семьдесят пять раз! Понимаете? Семьдесят пять! Все погибли, с кем начинал служить! — Лопоухий и правда находится под впечатлением: — Но главное, как он концентрируется на тебе.

Пока ты рядом, он твой. Весь! При нем нельзя изворачиваться, хитрить. Такой укол, — показывает на грудь, — и ты понимаешь: он видит все, что у тебя там написано! Даже то, чего ты сам про себя не знал!

— Что же он, этот ваш... — спрашивает Алекс, — какой-нибудь генерал?

Ох, как нехорошо посмотрел Лео на Алекса!

Друг его, однако, не останавливается:

— В том-то и дело — даже не офицер! Сержант-майор! Есть такой чин.

Лео поворачивается к товарищу: его родителям, вероятно, не слишком интересны подробности. Но тот рассказывает взхлеб:

— Пошел в армию простым рекрутом. Представляете, какой путь? Рядовой, рядовой первого класса, капрал...

Алекс прикрывает глаза.

— Все хорошо? — тихо по-русски спрашивает его Шурочка.

Да, просто свет. Солнце яркое.

— ...Сержант, штаб-сержант, мастер-сержант...

Шурочка встает с места, прикрывает жалюзи.

— ...Первый сержант, команд-сержант... — Наконец, с торжеством объявляет: — Сержант-майор сухопутных войск!

Алекс вздрагивает. Такое впечатление, что сержант сейчас вломится в дверь. Со своими медалями и протезами.

Шурочка спрашивает Лопоухого:

— И каким же образом определилась ваша судьба?

Сержант-майор сказал, что он должен пойти в армию рядовым.

Вот как. А Лео? Что он Лео сказал?

А Лео он предрек огромное будущее. И не только в армии. Лео может стать верховным главнокомандующим, так он думает.

— Не-е-ет, — Алекс вдруг оживляется. — Только не верховным главнокомандующим, Лео родился в другой стране! Кого вы наслушались, мальчики? — Алекса вдруг развезло. Он смеется, но смеется один.

Нет-нет, у него не истерика. Просто удачно вышло — про верховного главнокомандующего. Но в сегодняшнем разговоре это был последний его успех.

Напряжение идет на убыль.

У них там много всего в Академии. Там, между прочим, и девушки учатся. Немного, но есть. Вообще там — всякое разное. Кино, философия. Водное поло. Еврейский хор.

Алекс пробует вспомнить: есть в еврейской музыке многоголосье? Ладно, не идет к делу. Поют в унисон.

— Хорошо, Лео, но ты ведь не в хор устраиваешься петь. Могут отправить куда-нибудь. В тот же Афганистан.

Отвечает опять Лопоухий. Кто его спрашивает?

Могут, говорит, еще как. Больше того, сам он мечтает туда отправиться. Не хотелось бы, чтоб операция кончилась, пока он не успеет там побывать.

— Но ведь вам придется... — Шурочка никогда не касалась подобных тем. — Вам придется стрелять, убивать людей?

Она, может, хочет сказать, что и армия не нужна? — Лопухий довольно развязно обводит глазами дом:

— Лучше будет, если вас всех замочат тут, а?

Она вообще — следит за политикой?

Шурочка встает с места: нет, не следит.

Лео трогает товарища за руку. Смысл ясен — пойдя покури.

Они должны простить его друга, у него очень правые убеждения.

Когда Лопухий выходит на улицу, а Шурочка — в соседнюю комнату, Алекс все-таки говорит:

— Ты должен иметь в виду, если что... Можно заплатить и за год, и за два, и за сколько надо, пойти в нормальный университет. Идея самостоятельности... Независимости... — Алексу кажется: если удастся сосредоточиться, он найдет что сказать.

Он, Алекс, мечтал и мечтает... — О чем? Лео даже ленится спрашивать. — О чем-то другом. Надо пересказать ему собственный разговор с отцом. Какой тогда год был — восемьдесят третий, наверное? Тут очень хорошо все работает, думает вдруг. Не с его, Алекса, темпераментом можно переубедить человека, пусть он даже твой сын.

В эту минуту Шурочка стоит возле полки с камушками, переводит дыхание. Страшно рассуждать о каком-то выборе. Типичная демагогия, думает она, мужская, тупая. Что-то несопоставимое. Ни с их жизнью, ни с чем.

Отдышалась немножко. Надо бы перед расставанием что-нибудь ему подарить на память. Вот — Максима Максимыча. Рябой, с выщерблинами — если здесь просверлить тоненькое отверстие, можно на шее носить. Шурочка знает, как Лео поступит с Максимом Максимычем: не поймет, кто такой, рассмеется, зашвырнет подальше, сразу, как выйдет за дверь, — в океан.

Шурочка медлит, потом идет к мужчинам, в гостиную.

— Не получилось? — одними глазами спрашивает у Алекса.

Лео перехватывает ее взгляд, улыбается матери: нет.

После отъезда Лео с товарищем они какое-то время молчат. Потом Шурочка говорит:

— Мало у нас детей.

— А были б еще, — отвечает Алекс, — они бы тоже отправились в Афганистан.

Кроме Шурочки, у него теперь никого нет. Алекс знает: так это и останется до конца — его ли, ее, все равно.

Надо бы привить ему вкус к путешествиям, думает Шурочка. А то впереди не жизнь, а сплошной эпилог.

5.

Прошло два с небольшим года. Лео почти не звонит. И не любит, когда сами они звонят. За каждую отличную оценку в Академии начисляют баллы, на них

покупается право не стричься, не убирать комнату, ходить в увольнительную. Лео стрижется коротко и порядок всегда любил, так что накопленный капитал он, вероятно, тратит на увольнительные. Возможно, приедет на День благодарения. На прошлый не приезжал. То ли был наказан, то ли болел, то ли куда-то еще отправился. Подробности неизвестны. Это его, Лео, жизнь.

А ведь, в сущности, и не ссорились.

Алекс теперь слушает много музыки. Приобрел рояль.

— Не худший способ преодолеть кризис среднего возраста, — так он комментирует свои занятия.

— Лучше бы завел себе девушку.

Он что же, совсем плохо играет? — Нет, не плохо, но Шурочка может позволить себе пошутить: опасаться ей нечего.

На самом деле он даже для любителя играет неважно. Жалуеться, что пальцы не слушаются. С теми пьесами, которые когда-то знал, ему теперь, конечно, не совладать. Подолгу надо разбирать текст, трудно учить наизусть, но, может, все-таки были данные? Какие-то были, у всех какие-то данные есть. В любом случае сожалеть не приходится: кем бы он стал? Кем-нибудь вроде Юлиных родителей? У них-то, наверное, получше, чем у него, были данные.

Рояль он поставил так, чтобы из-за него видеть воду. В ноты надо смотреть и на руки, а не любоваться на океан. А, ладно, Алекс не профессионал. Максимум, на что он может рассчитывать, — доучить «Овец» до такого уровня, чтобы играть их себе самому и Шурочке. «Пусть овцы пасутся мирно» — одна из самых любимых им пьес. Он смотрит один голос, другой. Полифония — сложная вещь. Алекс помнит, как мать играла этот хорал, и как отец ее слушал — оба такие старые, они всегда казались Алексу старыми. Однажды, переставляя с места на место коробки с бумагами, нашел фотографию — за роялем мама, сзади отец стоит. Вероятно, сам и снимал. Здесь родители не кажутся особенно старыми.

Сейчас, когда у Алекса есть много денег и времени, да и тело еще не дает о себе знать, он все больше задумывается над общими вопросами. За что человек отвечает сам, а за что — родители? Вообще, отвечает ли? Если да, перед кем? Но никакого способа придумать решение у него нет, и, приходя ему в голову, эти мысли только портят Алексу настроение. Когда что-то огорчает его или злит, Алекс теперь ужасно морщится. Кожа собирается в складки — вокруг глаз, носа, рта: в этом процессе участвуют все лицевые мускулы.

— Больно смотреть, — говорит Шурочка, если он задумывается при ней.

В конце сентября (воздух теплый, вода холодная) они однажды выходят на океан.

Алекс спрашивает:

— Знаешь, кого мы родили с тобой?

О, да. А он только сейчас додумался?

— Ты ведь девочкой была в него влюблена.

Шурочка разувается, наступает на теплые камушки, шевелит их ногой.

март 2013 г.